

Альфа вряд ли мог устоять перед таким искушением, особенно он.

Если бы не последняя крупница здравого смысла, сдерживающая Лу Цзинжаня, он, возможно, уже отнес бы Чжоу Лэ прямоком в постель.

В его голове проносились образы, неподходящие для данной ситуации, хотя он не был уверен, напугают ли они Чжоу Лэ.

Чжоу Лэ уже немного испугался.

Возможно, несколько минут назад он был смелым, но когда Лу Цзинжань крепко схватил его за подбородок, его захлестнула волна сожаления.

Ощущение принуждения вызвало у него инстинктивный страх, даже ресницы задрожали.

Заметив это, Лу Цзинжань отпустил его.

Помолчав, он нахмурился и сказал: «Иди спать».

Но, видя, что его выражение лица не смягчилось, Чжоу Лэ потянул его.

«Или... я могу использовать свой рот. Это... тоже нормально».

Лу Цзинжань прищурился.

Разум подсказывал ему отказаться, но все его тело охватило пламя от этих слов.

Он немного замешкался, чтобы ответить.

Он хотел что-то сказать, но Чжоу Лэ, казалось, уже принял решение. Он опустился на колени, взглянул на Лу Цзинжаня, а затем раздвинул мягкие губы.

Бл*дь.

Лу Цзинжань резко вздохнул.

На следующий день Чэнь Нань был удивлен, не увидев Чжоу Лэ утром.

Обычно, когда Чжоу Лэ останавливался в доме Лу Цзинжана, они вместе ходили в школу. Но сегодня Чжоу Лэ нигде не было видно.

Сначала Чэнь Нань не придавал этому значения — может быть, Чжоу Лэ вчера вечером ушел домой. Но когда позже он так и не появился в школе, а Лу Цзинжань казался невозмутимым, как всегда, Чэнь Нань начал испытывать подозрения.

«Где Чжоу Лэ? Разве он не ночевал у тебя вчера?»

Услышав вопрос, Лу Цзинжань взглянул на него.

От одного этого взгляда у Чэнь Наня по спине пробежал холодок.

«Брат, брат Лу, что, что случилось?»

Лу Цзинжань спросил: «Что ты сказал ему вчера?»

«Что... что я сказал Чжоу Лэ?» — спросил Чэнь Нань, сбитый с толку. Потом до него дошло. «О, я только что упомянул, что ты оставил на нем свои феромоны, и сказал, что это могло быть из-за того, что ты сдерживался. Я даже предположил, что, может быть, вам двоим стоит просто... ну, знаешь...?»

«Подожди, вы двое действительно это сделали?» — внезапно понял Чэнь Нань. «Ни за что, брат Лу! Это так сильно — ты сразу пошел на...?! Что?! Ты оставил Чжоу Лэ таким разбитым, что он даже не мог встать с кровати?!»

Взгляд Лу Цзинжана был холоден. «Ты веришь, что Шэнь Цянь мог сделать с тобой то же самое — оставить тебя прикованным к постели?»

Чэнь Нань: «...»

Смущенный Чэнь Нань пробормотал: «Брат Лу, почему ты вообще говоришь такие вещи?»

Лу Цзинжань ответил: «Просто не говори больше ничего лишнего при Чжоу Лэ. Он и так слишком много думает».

В прошлом Лу Цзинжань считал, что это ему не хватает надежности в их отношениях. В конце концов, он первым влюбился в Чжоу Лэ и боялся, что его чувства могут не быть взаимными.

Хотя он знал, что у него много сильных сторон, любовь имела свойство делать их незначительными. Она заставляла его слишком много думать и бояться потерь.

Теперь то же самое было и с Чжоу Лэ — он беспокоился о его дискомфорте и был готов пожертвовать собственным комфортом, чтобы угодить ему.

Но они ничего не сделали вчера вечером. Они были всего лишь старшекласниками, и хотя они были совершеннолетними, они не познали многого в этом мире. Они еще не ходили в колледж и не влились в общество. Может быть, однажды Чжоу Лэ встретит другого Альфу, кого-то, с кем он захочет быть...

Одна только мысль об этом заставила Лу Цзинжана нахмуриться, не в силах подавить тревожное чувство в груди.

«Тебе следует поблагодарить меня», — тихо проворчал Чэнь Нань. «Если бы не я, кто знает, сколько времени потребовалось бы, чтобы ты наконец насладился «горячей едой».

«Что ты ешь?» — спросил Шэнь Цянь, подходя с книгой в руке.

«Он сказал, что хочет чего-нибудь горячего», — небрежно ответил Лу Цзинжань.

Шэнь Цянь помедлил, затем повернулся и посмотрел на Чэнь Наня.

Лицо Чэнь Наня стало ярко-красным. «Н-нет! Не такую горячую еду! Я это не ем, я не хочу это есть!»

«Шэнь Цянь, что у тебя за выражение лица? Не смей об этом думать!»

—

Во время обеда Лу Цзинжань не ел с Чэнь Нанем и Шэнь Цянем. Вместо этого он пошёл домой, чтобы забрать Чжоу Лэ для их дневных занятий.

За обеденным столом Сюй Чжэнь, обычно теплая и нежная, выглядела необычно суровой. «Сяо Лэ, скажи тете правду. Он над тобой издевался вчера вечером?»

Говоря это, она бросила на Лу Цзинжана свирепый взгляд.

Чжоу Лэ, который только что отпил глоток молока, чуть не выплюнул его.

Это был первый раз, когда Лу Цзинжань был «отруган» своей матерью. Но он не выглядел

несколько наказанным, на самом деле, он даже опустил голову, и на его губах играла слабая улыбка.

Сюй Чжэнь продолжала: «Сяо Лэ, не бойся. Если тебя обидели, скажи тетушке. Я заступлюсь за тебя».

Помолчав, она добавила: «А если тетя не сможет с этим справиться, я скажу твоему дяде, и он заступится за тебя».

Такая динамика была типичной для их семьи. Если Сюй Чжэнь не могла справиться с чем-то, она привлекала отца Лу Цзинжаня, Лу Цзиньчэна. Однако Лу Цзинжань обычно был послушным, и разногласия между ним и Сюй Чжэнь были редки. Сегодняшний «спор» был значимым событием.

«Нет, нет! Тетя, все хорошо — правда!» — быстро заверил ее Чжоу Лэ.

Видя, что Чжоу Лэ не желает говорить больше, Сюй Чжэнь пока оставила эту тему.

Но когда она провожала их в школу, она не удержалась и отвела Лу Цзинжаня в сторону. «Ты не можешь так обращаться со своим Омегой».

Лу Цзинжань приподнял бровь. «Что я сделал?»

Сюй Чжэнь нахмурился. «Ты разве не видел на нем следов? Синяки повсюду — что ты с ним сделал вчера вечером?»

Сначала она не заметила ничего необычного. Но когда Лу Цзинжань утром упомянул, что Чжоу Лэ плохо себя чувствует, она начала беспокоиться. Около полудня она решила проверить Чжоу Лэ, думая, что если его состояние серьезное, ему, возможно, нужно обратиться к врачу.

Когда она вошла в комнату, Чжоу Лэ только что закончил переодеваться. Пораженный ее внезапным появлением, он поспешно надел рубашку обратно.

Именно тогда Сюй Чжэнь совершенно случайно заметила синяки на его теле.

«Если ты продолжишь вести себя так бесцеремонно, то, даже несмотря на то, что ты мой сын, я все равно доложу о тебе властям», — строго сказала Сюй Чжэнь, выражение ее лица было серьезным.

Услышав ее описание, Лу Цзинжань ощутил укол сомнения.

Он действительно потерял немного контроля прошлой ночью — Чжоу Лэ слишком много его дразнил. После этого он тщательно осмотрел тело Чжоу Лэ. Оно было красным и опухшим, но не в синяках. Как оно превратилось в синие и фиолетовые отметины?

«Я понимаю. Я проверю его сегодня днем».

Только перед самым окончанием школы у Лу Цзинжэня наконец появилось время.

Во время урока физкультуры, когда в классе никого не было, он потащил Чжоу Лэ в туалет в конце коридора.

Тонкие пальцы Альфы скользнули под пояс школьной формы Чжоу Лэ.

«Чего ты уклоняешься?» — спросил Лу Цзинжань.

«Я этого не делаю».

«Я укусил слишком сильно?»

«Нет... перестань трогать меня», — простонал Чжоу Лэ, его голос был тихим и дрожащим, как будто он собирался заплакать.

Пальцы Альфы двигались, как лесной пожар, распространяясь по его телу, заставляя Чжоу Лэ дрожать от каждого прикосновения. Он крепко прикусил губу, чтобы подавить любые странные звуки в тесной кабинке туалета.

Намерения Лу Цзинжаня были раскрыты. Кожа Чжоу Лэ была нежной, гладкой и эластичной под его пальцами. То, что должно было быть «проверкой», быстро переросло в нечто совершенно иное — пощипывание, потирание, ласкание.

Челюсти Альфы сжались от желания.

Если бы они не были в школе, он, возможно, давно бы потерял контроль.

«В следующий раз перестань меня так искушать», — Лу Цзинжань обхватил лицо Чжоу Лэ, выражение его лица было серьезным. «Я боюсь, что могу потерять контроль и действительно причинить тебе боль».

!

Что?! Так страшно?

Чжоу Лэ вспомнил прошлую ночь, когда его довели до предела. Он даже не был уверен, что именно вывело из себя Лу Цзинжана, но его швыряло из стороны в сторону, пока его силы полностью не истощились. К утру все его тело болело, и он едва мог встать с кровати — он просто хотел спать.

«Ты просто пугаешь меня», — сказал Чжоу Лэ, пытаясь казаться застенчивым.

«Нет», — твердо ответил Лу Цзинжань.

Глаза Чжоу Лэ озорно заметались, и он оттолкнул Лу Цзинжана, слегка отступив. «Тогда я не пойду с тобой домой сегодня вечером. Я вернусь к себе домой».

Прежде чем он успел договорить, рука Лу Цзинжана, обхватившая его талию, сжала его и потянула назад.

Выражение лица Лу Цзинжана было напряженным, он явно был недоволен предложением Чжоу Лэ.

«Ты издеваешься надо мной!» — обвинил Чжоу Лэ.

«Сначала ты говоришь, что я не должен тебя дразнить, а теперь не даешь мне уйти. Как это я во всем виноват?»

Лу Цзинжань почувствовал, как его сердце растаяло в луже. Опустив голову, он нежно поцеловал Чжоу Лэ в губы, уговаривая его. «Это моя вина».

«Не волнуйся, я не причиню тебе вреда. Самое большее...» Его голос затих, в глазах мелькнуло темное веселье. Самое большее, я заставлю тебя плакать. Плачь, пока простыни не промокнут, плачь, пока тебе не понадобятся только мои феромоны, чтобы жить.

Только в этот момент Лу Цзинжань осознал и неохотно признался себе, что Альфа — это не более чем существо, движимое неконтролируемыми инстинктами, — безумное, одержимое существо, особенно когда сталкивается со своим собственным Омегой.

Глядя на Чжоу Лэ, который закрыл глаза и молча терпел его поцелуи, Лу Цзинжань прокручивал в голове сотни способов заставить его плакать. Даже просто представив это, его кровь закипала от волнения.

<http://bllate.org/book/14560/1289939>